

Се Цюци вспомнил: «Хорошо сработал».

Чжэн Кэ сказал: «Я его убил».

Се Цюци остолбенел. Этого он не ожидал. Теперь понятно, почему Чжэн Кэ выглядел таким озабоченным.

— Я погорячился, прости, — с усилием сохраняя спокойствие, произнёс Чжэн Кэ. — Если потребуешь мою жизнь в отместку или, скажем, отрубишь руку, как Овчарке, — я не стану возражать.

Се Цюци задумался, затем взял его за руку:

— Вчера я сам был слишком беспечен. Ты спас меня. Это был подвиг.

Ладонь Чжэн Кэ развернулась и сжала его руку, словно он ждал именно этих слов. Се Цюци понимал: сейчас мысли его в хаосе. Он допускал, что Чжэн Кэ способен убить, но не думал, что первой жертвой станет Ху Цяобо.

Убийство — словно порог, разделяющий два совершенно разных мира. Тот, кто переступит, уже никогда не вернётся назад.

— Послушай, — тихо сказал Се Цюци. — Чжэн Кэ, это трудное время, я знаю. Я тоже через это прошёл. Не сомневайся в себе. Держись. Не позволяй этому тебя поглотить. Не терзай себя и не думай, будто убить — это легко.

Чжэн Кэ глубоко вздохнул:

— По крайней мере, с тобой всё в порядке.

Се Цюци коснулся его щеки:

— Спасибо тебе.

Чжэн Кэ собрался с силами:

— Ола сказала, сама займётся телом, нам не о чём беспокоиться. Ху Цяобо был всего лишь нелегальным рабочим, его даже в официальных списках нет, так что никто искать не станет.

— Позже я её поблагодарю, — ответил Се Цюци. Несвоевременная расправа над Ху Цяобо была его ошибкой, и теперь он оставался должен Оле.

Чжэн Кэ был измотан — он провёл рядом с Се Цюци целые сутки.

— Я пойду посплю. Позову врача.

Се Цюци кивнул:

— Сначала поешь, не губи желудок.

Врач пришёл, снова взял кровь, осмотрел руку и выписал мазь от растяжения, велел наносить дважды в день. Пролежав слишком долго, Се Цюци не мог больше оставаться в постели. Он решил принять душ, а потом позавтракать.

Ола была рада его видеть.

— По законам Анголы наследство Хазы перейдёт к его единственному сыну. Надия ещё мал, и до его совершеннолетия я, как мать, буду управлять имуществом. Планирую отремонтировать его поместье и переехать туда с родителями и Надией. Похороны Хазы мы устроим пышно, многие друзья из правительства уже звонили. На церемонии мы обсудим будущее плато Лунда.

Это означало, что она успешно взяла власть мужа в свои руки, став фактической правительницей плато Лунда.

Се Цюци тоже порадовался за неё:

— Многолетние планы наконец осуществились. Поздравляю.

Ола чокнулась с ним:

— Я благодарна тебе. Без твоей помощи мне не хватило бы ключевой поддержки.

Се Цюци покачал головой. Ола была рождена для великих дел — амбициозна, умела терпеть, годами копила силы для решительного рывка. Конечно, он помог ей, но она и сама воспитала немало способных людей.

— После похорон Хазы будет небольшой приём, приходите. Будут только свои, — предложила Ола.

Се Цюци не особенно интересовался вечеринками, но счёл, что присутствовать нужно:

— Хорошо.

Похороны состоялись на седьмой день. Церемонию провели в саду за личной церковью Хазы.

Хаза был католиком, и его похоронили по католическим обычаям. Священник окропил могилу и гроб святой водой, вознёс молитвы, после чего гроб опустили в землю и закопали. На могильном камне был высечен католический крест с именем, данным при крещении.

На похоронах было меньше людей, чем ожидал Се Цюци. Родни у Хазы и так было мало, а те друзья и союзники, что пресмыкались перед ним при жизни, хоть и прислали соболезнования с подарками, но лично явились человек десять, не больше. Бывших членов УНИТА не было видно вовсе — похороны некогда грозного командира оказались удивительно скромными.

Ола с самого утра не знала покоя, принимая гостей. Она была плотно закутана в чёрное платье, на голове — шляпа, а лицо наполовину скрывала чёрная вуаль. Кроме обручального кольца, никаких украшений, чтобы подчеркнуть роль скорбящей вдовы — сейчас титул значил для неё больше всего.

Кто-то язвительно заметил:

— Повышение, богатство и смерть мужа — все блага на неё свалились. Думаю, вуаль надела, чтобы не засмеяться.

— Слишком сурово, — сказал Се Цюци, принимая бокал ананасового вина от Овчарки.

Овчарка чокнулся с ним:

— Не волнуйся, я не имею привычки подмешивать морфий.

Се Цюци понял, что это шутка:

— Ты, кажется, быстро адаптировался. Как жизнь с одной рукой?

— Ничего. Не так уж и плохо. Ты ещё не дал мне официального ответа?

— Разве? Я что-то не помню, чтобы был тебе что-то должен.

— Позволь быть с тобой. Я могу пригодиться.

Се Цюци поддразнил его:

— Мне не хватает людей, но я не настолько отчаян, чтобы брать инвалида.

Овчарка вспылал:

— Попробуй найти такого же способного и знаменитого инвалида, как я! Я ведь убил Хазу Небужада Ламо Масубелегу! Произнеси это имя вслух — и все обомлеют.

Се Цюци с укором посмотрел на него:

— Тише, ты ведь на его похоронах. Что, боишься, люди не узнают, что это ты его убил, и решил похвастаться? Прежде чем кого-то напугаешь, тебя самого упрячут за решётку.

— Ну, согласишься, — заискивающе протянул Овчарка. — Чжэн Кэ сказал, ты увезёшь меня отсюда.

Се Цюци усмехнулся:

— Умоляй. Может, я подумаю.

Овчарка не стеснялся:

— Хорошо, умоляю. Пожалуйста, ладно?

Се Цюци стал серьёзен:

— Дел, подумай хорошенько. Я и сам не знаю, что будет с моим будущим. Если пойдёшь со мной, не могу гарантировать, что твоя жизнь наладится. Если просто хочешь уехать из Африки, уедем вместе, но тебе не обязательно быть при мне всё время. Кто знает, может, я в будущем и до вашего командира не дотяну. У него хоть похороны достойные были.

— Риск — путь к награде, — ухмыльнулся Овчарка. — Я верю в тебя. Ты способен на великие дела.

Неизвестно, откуда у него такая уверенность. Се Цюци усмехнулся:

— Что ж, спасибо за высокую оценку.

— Эй, чего ты сомневаешься? Я серьёзно. Ты вполне можешь создать свою алмазную империю. Разве сам не думал об этом? Ты знаешь это дело, теперь у тебя есть Ола как союзница, почему бы и нет? Ты никогда не задумывался, чего хочешь? Ты потратил столько сил, пройдя через

Анголу, только чтобы вернуться в Макао и снова стать рыбаком? Думаешь, Бог дал тебе эти испытания, чтобы ты влачил посредственную жизнь?

— Я...

Се Цюци действительно никогда об этом не думал. Он просто выживал, и на это уходили все силы. О том, какую жизнь хочет, кем хочет быть, какое будущее ему нужно, он не задумывался со времён школьных сочинений. Как и большинство людей, не принимал всерьёз то, что писал в тетрадках, — главное было сдать экзамен.

Возможно, Овчарка был прав. Пришло время подумать о своём будущем. Он провёл двадцать семь лет в борьбе за выживание, и сейчас самое время рваться вверх. Если рискнуть и добиться успеха — что может быть лучше? Если потерпит неудачу — хуже уже не будет. В конце концов, терять ему нечего.

Овчарка заметил, как в его глазах загорелся огонёк:

— Я знал. В тебе есть амбиции.

Се Цюци искоса взглянул на него:

— Если я действительно начну свой бизнес, согласишься работать на меня?

— С честью, — Овчарка взял его руку и поцеловал тыльную сторону. Это был жест верности.

Се Цюци глубоко вздохнул, поставил бокал, и они отошли в угол, чтобы обсудить дела.

— Ола хочет, чтобы мы доставили золотой бриллиант в Намибию, а оттуда отправились в США. Контрабандой я никогда не занимался, не знаю маршрутов, местности и правил. Что ты знаешь? Какие опасности нас ждут? — спросил Се Цюци.

<http://bllate.org/book/15957/1426923>